

**Русская литература на постсоветском пространстве
Средней Азии: трансформация темы истории
в творчестве русского поэта Кыргызстана
В. Шаповалова**

Время, когда большей частью образованного населения нашей страны художественная литература воспринималась в качестве источника эстетических впечатлений, обладающего социальной, философской, психологической информативностью, — наше давнее и не очень давнее прошлое. Однако художественная словесность не перестала иметь вышеперечисленных качеств. Именно в связи с этим представляет интерес творчество русского писателя Кыргызстана В. Шаповалова. Оно своеобразно преломляет ряд масштабных исторических тенденций. Так, среди характеристик процесса глобализации немалое место в последние годы отводится миграции. «Стремительный рост иммигрантских сообществ и их институционализация заставили заговорить о “диаспоризации мира” как об одном из сценариев развития человечества», — написано в статье сотрудника Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН Т. Кондратьевой «Диаспоры в современном мире: эволюция явления и понятия» [5]. Притом, что термин «диаспора» рассматривается в этой статье как неустоявшийся и постоянно уточняющийся, актуальность явления, им обозначаемого, бесспорна. «Развернувшаяся в научном сообществе дискуссия показывает, сколько белых пятен и вопросов остается в изучении этого меняющегося феномена...», — пишет автор.

Проблемы адаптации этнической группы в изменившихся социальных условиях зависят от многих исторических, политических, географических и других факторов. Этнос, личность вынуждены претерпевать значительные, подчас весьма драматические, трансформации. Они сказываются и на переселившейся, и на принявшей социальной общности. Изменения, привносимые миграцией, активно изучают представители наук, так или иначе связанных с познанием социальных процессов [8, 10–13, 15, 16]. Именно современное их протекание и необходимость

решать противоречия, возникающие в ходе межэтнических коммуникаций, актуализировало внимание к теме миграций. «Психологические причины роста этнической идентичности едины для всего человечества, но особую значимость этнос приобретает в эпоху радикальных социальных преобразований, приводящих к социальной нестабильности. Именно в подобный период, переживаемый Россией в настоящее время, этнос выступает в качестве аварийной группы поддержки», — написано в статье этнопсихолога Т. Г. Стефаненко «Социально-психологические аспекты изучения этнической идентичности» [12].

Для политолога «изучение генезиса российской диаспоры» — это путь решения как теоретических задач, так и практических: «Мониторинг российской диаспоры позволяет представить реальную картину поведенческой парадигмы наших соотечественников в той или иной стране и оценить диаспоральный потенциал как средство политического влияния России в странах проживания россиян. И, наоборот, отсутствие ясности в этом вопросе может привести к приложению усилий в типовых направлениях» [16]. Аналогичные высказывания имеют место в публикациях историков [8, 11].

В выяснении «поведенческой парадигмы», «жизненной стратегии наших соотечественников» [16] может играть роль идентификация личности, социума, которая имеет место в произведениях художественной литературы. В частности, поэзия Вячеслава Шаповалова содержит в себе выразительную модель внутреннего мира личности и внешних форм ее поведения, которые сложились в одной из республик Советского Союза, ставшей теперь отдельной страной, частью СНГ. Интерес к творчеству этого автора тем более обоснован, что поэт и переводчик В. И. Шаповалов является культурологом, доктором филологических наук, исследовательские интересы которого лежат в поле истории межэтнических взаимодействий [18]. Между тем русская литература СНГ еще не стала предметом пристального внимания, хотя ее значение как феномена в истории русской литературы, особенно на современном этапе, отмечено в ряде публикаций [1, 3, 6, 7; 20]. Выразительно на эту тему сказано в статье В. Муратханова: «По мере исхода носителей языка россыпь замкнутых водоемов русской культуры стремительно уходит в песок»; «Исчезает контекст, застывает на страницах редких исследований культурологов и лингвистов, которые занимаются сложившимся на окраинах бывшей империи феноменом языка и мышления на стыке культур»; «Уходит контекст взаимного интереса...»; «...рискну утверждать: широкой аудитории сейчас не до дружбы народов. Не случайно журнал с одноименным

названием продолжает скреплять литературу бывших союзных республик едва ли не в одиночку: для “Иностранной литературы” она еще не вполне иностранная, для других российских изданий — уже не совсем своя» [7]. Материалы, сообщающие о литературе СНГ, например «Книжная карта России и ближнего зарубежья» [4], сосредоточены на произведениях, созданных не на русском языке. Публикации о жизни русских диаспор, такие как «Русская община Азербайджана: вчера, сегодня, завтра» [9], посвящаются роли русского языка, общественной деятельности его носителей, их участию в политике, экономике страны; поэзия, проза остаются вне поля зрения.

Уральское гнездо литературоведения, литературной критики в немалой степени сосредоточено на истории и теории регионального подхода к изучению явлений художественной словесности. Потому интерес к творчеству В. Шаповалова, возникший в данном контексте, правомерен, тем более что личная биография данного писателя связана своими корнями с Уралом. Об этом есть сведения в статье профессора Кыргызско-Российского Славянского университета В. М. Озмитель («Прошел сквозь свет и тьму теснин...»). Сообщается, что «дед поэта по материнской линии Дмитрий Семенович Косливцев» происходил из «богатых крестьян-староверов». Он «воевал в красной кавалерии», «строил советскую власть на Урале, учился, стал дипломатом, работал вице-консулом в Мешхеде (Иран)»; другие родственники «по материнской линии... бежали в Кыргызстан в 30-е годы с Урала, пытаясь спастись от репрессий» [2, с. 98].

Человек в истории — одна из магистральных тем у В. Шаповалова. Венок сонетов «Кочевье» заключает в себе некую модель всей лирики В. Шаповалова. Последняя терцина магистрального сонета написана курсивом, что позволяет видеть ее как особенно важную для автора венка: *«Мы странники. И странное влеченье / Нас примиряет с горсткой кратких лет. / Нет смерти — есть бессмертное кочевье».*

Представляется возможным рассмотреть некоторые слова-образы в контексте творчества русского поэта Кыргызстана В. Шаповалова в качестве концептов межэтнического культурного пространства. В первую очередь, это слово «кочевье». Вокруг него в произведениях данного автора — семантический ореол из лексических единиц *путь, тропа, перевал, караван*, а также — *время и вечность*. Этот словесно-тематический блок участвует в художественной реализации чувства истории, размышлений об истории, связывает образы судеб отдельной личности и целого народа. Обозначенная совокупность слов и смыслов уже имеет типологическое содержание, т. е. так или иначе являла себя в творчестве

других авторов (например, «Мировое началось во мгле кочевье» у М. Цветаевой или название современного альманаха «Малый шелковый путь»). *Индивидуальная стилевая окрашенность* у современного русского поэта Кыргызстана В. Шаповалова, возникающая при воплощении концепта «кочевье», состоит, в первую очередь, в том, что несет *отпечаток личной родословной*.

Начальный сонет венка называется «Время», а последний повторяет название всей короны сонетов — «Кочевье». Между ними сонеты «Россия», «Азия», посвященные теме родины, затем идут главы о родословной и о сущности поэтического и другого труда. Последние перед магистралом — сонеты «Горизонт», «Земля», «Бессмертье».

«*Два корня двух земель во мне сплелись*», — говорит лирический герой в четвертом сонете венка. Размышляя об одном из корней, *славянском*, образно называет деда-комиссара «эпохи холст и кисть». В этом словосочетании отражается бинарность роли человека в истории: он испытывает воздействие истории, но и оставляет в ней свой след. Другой дед назван «прасолом», т. е. торговцем, который «остер, речист. Весь — лезвие жестокого закала», «Его судьбы обрывистый карниз». От разных этих судеб, красного комиссара и единоличника-торговца, завет остался один: «Внук, — слышу голоса из отдаленья, — / Измерь свой мир надеждою в глазах, / Увидишь свет земного откровенья». Следовательно, откровеньем, сопровождением любого жизненного опыта предстает надежда. Она — общечеловеческий элемент пребывания в историческом потоке.

В сонете «Мать» этим же светом ведома мать лирического героя «В далеком сорок первом, в отступленье». (В других произведениях, вне данного венка сонетов, именно эвакуацией во время войны объясняется ее переселение в Среднюю Азию.) Об отсутствии войны в потоке исторического времени сказано, что это всего лишь «секунды», «миги», к которым извечно устремлены надежды женщин, связанные с ожиданием тех, кто на полях сражений. Итак, в контексте анализируемого венка сонетов *история — это войны и ожидание мгновений перерыва между ними*. Женщину история испытывает и закаляет этим ожиданием. По логике данных образов, *мужество мужчин — от неизбежности битв*. Свое представление о непреложности этого поэт выразительно подчеркивает фразой «Луч света не скривить» (сонет «Отец»). В следующей части произведения, которая названа «Дитя», — *язык предстает элементом истории, который, не будучи тленным, связывает поколения*.

Язык народа, поэта — один из лейтмотивов творчества В. Шаповалова, одна из составляющих судьбы его лирического героя. Образ родословной в венке сонетов «Кочевье» включил в себя два языка, славянский и тюркский: «Две песни надо мной слетели с уст. / Одну пропел урюковый комуз, / Другая долетела с русских далей».

В ходе реализации темы России, с которой лирический герой связан сравнительно небольшой частью своего непосредственного жизненного опыта, порой проявляется схематичность образов и воплощенных в них оценок. «Плач Ярославны, звонкий голос Зои, / Набат войны и мирное жнивье» — строки, вызывающие у читателя впечатление перечня давно знакомых выражений, не утративших в большинстве своем положительного содержания, но банальных по форме. В то же время в сонете «Кочевье» есть семантические и стилистические узлы, содержащие образы, которые преломляют достаточно индивидуальную поэтическую ментальность. Соотносимые со многими другими произведениями данного автора, они воспринимаются как программные в контексте его художественного мира. Таковы строки сонета «Азия» из венка «Кочевье»: «История — веков летучий прах»; «На синем небе — гор звенящий взмах»; «Киргизия! — не пасынок, а сын, / Прошел я склонов свет и мглу теснин, / В потоке дней твоих кануны». Написанные на русском языке, некоторые выражения «говорят» и по-киргизски. В этот ряд можно поставить, например, образ «гряды пространств» (из части венка, называемой «Бесмертье»). Земля Киргизии имеет контрастный рельеф. Географические реалии включают в себя открытые пространства, пыльные от пересыхающей в знойные месяцы земли. При этом в поле зрения путника остаются заснеженные вершины. Даль по большей части горизонта замыкается цепью гор, и во многих случаях путь здесь лежит через перевал. Таким образом, возникают визуальные впечатления, которым вполне адекватен образ «гряды пространств». Русская поэтическая речь В. Шаповалова содержит те качества, которые имеют в виду литературоведы и критики, пишущие о своеобразии русской художественной словесности, возросшей в контексте иноязычной культуры нынешних стран СНГ [1, 3, 5, 14].

Главный памятник художественной словесности киргизов «Манас» рассказывает о тех временах кочевой жизни этого народа, которые уводят далеко за горизонт, скрываемый Тянь-Шаньскими горами, за пределы нынешней территории страны, в северную Азию, к Енисею. Кочевье привело киргизские племена из прародины на новую для них землю, которую они сумели обжить. Слово «кочевье» становится у В. Шаповалова синонимом понятия «исторический путь». Русскоязычные киргизского

поэта выражает ментальность жителя Средней Азии. Специфика не бросается в глаза, тем не менее она является свойством стиля, формировавшегося в «азиатском круге», которому посвящен двухтомник избранных произведений народного поэта Киргизии В. И. Шаповалова [3]. Писатель принадлежит социуму и тому географическому пространству, в котором он расположен. Этот мир природы — часть родины, притягивающая особенно властно; и поэт остается «гением места» вопреки драматизации социальных, исторических обстоятельств.

Существенная часть территории Киргизии была заселена благодаря процессам миграции. Эпос «Манас» повествует о том, почему и как племена кыргызов в древности перекочевали на свою нынешнюю территорию. Задолго до возникновения Советского Союза здесь образовались села переселенцев-славян (русских, украинцев). После Октябрьской революции отряды интернационалистов из Чехии приезжали налаживать промышленное производство, советские люди из России переселялись, чтобы поднимать образование, искусство, науку. Сюда же ссылали в 1930-е гг. раскулаченных. Здесь отбывал ссылку уральский поэт Борис Ручьев, а в годы Великой Отечественной войны — немцы Поволжья, карачаевцы, лезгины, чеченцы. Раскулаченные, сосланные, эвакуированные... Это все страницы истории, которые обуславливали видение ее сквозь призму процессов миграции. Тема полиэтнизма и, естественно, полилингвизма занимает немалое место в литературоведческих и культурологических статьях В. Шаповалова. Пример тому — его работа «Поэзия кочевий и оазисов», посвященная книге Махмуда Кашгари «Собрание тюркских наречий». Беря себе в единомышленники «крупнейшего российского востоковеда нашего времени доктора Юю Стеблеву» [18, с. 321], В. Шаповалов пишет: «Два легендарных этноисторических континуума — арабо-тюркский Восток и Евразия... под увеличительным стеклом начала эры... Именно здесь, в этом гигантском тигле переплавлялись этносы, перемешивались языки и гены, сливалась воедино кровь культур и растекалась новыми ручейками и реками. Среди необозримого моря хуннов и саков, карлуков и усуней, Огузов и булгар, кара-китаев и кипчаков, хазар и уйгуров — народов, сменявших друг друга, один немногочисленный народ, сквозь века пронесший свое имя — кыргызы, сумел не раствориться, не исчезнуть, как его великие соседи, но сохранил себя и сам дал свою кровь и силу для рождения новых народов — хакасов, тувинцев, шорцев, тофаларов, алтайцев... И если сегодня на карте мира Кыргызская республика отыскивается без труда, то сколько

исторических парадоксов и исторической же логики стоит за всем этим?» [18, с. 322–323].

Концепт «кочевье» в творчестве В. И. Шаповалова способствует воплощению эпичности, которая придает перипетиям личной судьбы отсвет величия судьбы народа и человечества. Причастность к многовековой истории, в которой неизбежно чередуются как поражения, так и победы, как распад, так и объединения, позволяет лирическому герою В. Шаповалова преодолевать драматизм личного жизненного пути. Образ вечного кочевья воспринимается как символ неостановимости жизни: «Пусть ропщут: грустен смысл ее жестокий, / Обречена быть вечно одинокой / Людская беззащитная стезя. / Но явен знак ее предназначенья! — / Стучится утро, не открыть — нельзя, / И новый день как первый день творенья».

Если неотвратимость перемен, не всегда счастливых для отдельной личности или группы лиц, в венке сонетов 1970-х гг. «Кочевье» выражалась через образы, в которых, наряду с тревожным ожиданием, было упование на торжество светлых начал («Стучится утро, не открыть — нельзя»), то постепенно накапливаются все более пессимистические высказывания: «Господи, что еще будет с этой страной... / Что с нею будет, что будет с нами — со всеми...». Эти строки созданы в 1990 г. («Из писем в Чикагскую область. Льву Ленчику»). Описывая бывшему земляку свое настоящее, поэт сообщает: «По утрам не хватает воздуха, и мы понимаем, / что стоим, растерянные, перед гражданской войною / (что-то мне подсказывает, что она уже в разгаре). / Однако же в мае деревья пахнут именно маем...». Это стихотворение — одно из завершающих книгу В. Шаповалова «В Азийском круге» (2003). Сборник, вышедший в 2011 г., называется «Чужой алтарь». В нем среди первых стихотворений — «Сумерки». Чабанское стойбище написано эскизно, подробности быта даны разьединенно, его составные части — человек, животное, дом и т. д. — пребывают в неосознанном сиротстве при свете восходящей луны и бледно проступающего «Млечного шелкового пути в небесах»: «Безмерные ели на той стороне реки / в упор не видят отар, рассыпавшихся на склонах, / и всадников, к изученью пейзажа не склонных, / хотя оглядывающих всё сущее из-под руки».

Из сумерек современности лирический герой В. Шаповалова выходит в широкое историческое пространство, измеряемое не годами, а столетиями и больше. Он говорит о «долгом и тщетном племен и времен препирательстве», о «родимой чужбине». В финале стихотворения «Имперская элегия» (2008), написанного на смерть киргизского прозаика

с мировым именем, жившего в последние годы не на своей родине по обстоятельствам больше исторического характера, чем сугубо личного, тема смены времен не обнадеживает высоким смыслом: «Час пробил. / Бессмертна эпоха Чингиза Айтматова, / И жил, и творил, и дышал он — для Века Двадцатого. / Но дрогнули руки, открывшие дверь Двадцать Первого».

Возникающие в ходе исторических миграций межкультурные феномены подчас несут в себе открытость разнообразию культур, которая способна укреплять почву толерантности, компенсировать часть неизбежных потерь. С другой стороны, порождается некая индифферентность, проистекающая из утраты этнопринадлежности с ее относительно обозримой «территорией», с ее конкретным хронотопом, внутри которого взаимосвязи прочны. В художественном мире В. Шаповалова постепенно нарастает открытость разным культурам, воплощающаяся в выразительной русской речи. А. Пушкин, Б. Пастернак, Н. Заболоцкий, А. Вознесенский — это реалии русской действительности в стихах В. Шаповалова. «...Над пропастью где-то во ржи по таким голосили киж», — пишет он об А. Вознесенском. (Строчная буква «к» в русском названии превращает его в имя нарицательное, т. е. обозначающее множество, в данном случае — священных мест.) Вознесенский у Шаповалова «на ветру мировом бесприютном желанном», «на немислимом срезе времен русской яви несбывшийся сон». В новом сборнике В. Шаповалова тема будущего не становится разговором о движении вперед. Первая часть книги называется «Парк тюркского периода». Здесь воплощается противоречивое единство: наступившая эпоха — это возвращение к истокам, некоему отрочеству этноса и в то же время — процесс одичания («И там, где вновь расцвел костер кочевника / где тих туман, в лощинах оседа, / прикурит от горящего учебника / вечерняя зарница молодая»). Дистанция между молодостью цивилизации и ее старением предстает столь обозримой, а пройденный путь таким мало оправдавшим надежды («брезжит старая плешь золотого руна»), что смысл истории как процесса развития девальвируется. При этом чувство сиротства и распада, возникшее после очередного передела отчих территорий, в художественном мире В. Шаповалова не только ожесточает людей друг против друга, но и сближает их общностью переживаний («щит при счете ноль-ноль тяжелее, чем меч»). Отсутствие знаков препинания в ряде текстов книги «Чужой алтарь» воспринимается как один из оттенков темы утрат и смятения, парадоксальности бытия («Тише краткого вздоха о-омин и аминь / это жизнь золотое твое ожерелье / горечь губ твоих сладкая эта полынь»).

Русская литература конца XX — начала XXI в. — обширное духовное пространство, которое поддерживает образ русского мира, открытого мировой культуре и при этом сохраняющего пусть напряженное, но единство.

---

1. *Абдуллаев Е.* Современная русская литература Средней Азии: случай многослойного отражения // *Вопр. лит.* 2006. № 3. С. 320–325.

2. Дар. О творчестве В. Шаповалова / сост. С. Г. Суслова, Е. Г. Колесников ; отв. ред. В. М. Плоских. Бишкек, 2007.

3. Дружба народов? Дружба литератур? // *Дружба народов.* 2009. № 3. С. 198–207.

4. Книжная карта России и ближнего зарубежья [Электрон. ресурс]. URL: <http://www.cbaskiev.ru/booksmap>

5. *Кондратьева Т.* Диаспоры в современном мире: эволюция явления и понятия [Электрон. ресурс]. URL: http://perspectivy.net/srez/etnos/diaspory_v_sovremennom_mire_evolyucija_javlenija_i_ponatija_2010-02-27.htm

6. *Костырко С.* Русский литературный интернет: начало [Электрон. ресурс] // *Новый журнал.* 2011. № 263. URL: magazines.russ.ru/nj/2011/ko22.html

7. *Муратханов В.* Уходящий контекст [Электрон. ресурс] // Октябрь. 2011. № 3. URL: <http://magazines.russ.ru/oktober/2011/3/mu14.htm>

8. *Несмешина Л. Ю.* История формирования и развития этносоциальной структуры русских Кыргызстана : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Бишкек, 2003 [Электрон. ресурс]. URL: <http://www.dissercat.com/content/istoriya-formirovaniya-i-razvitiya-etnosotsialnoi-struktury-russkikh-kyrgyzstana>

9. Русская община Азербайджана: вчера, сегодня, завтра [Электрон. ресурс]. URL: <http://azeri.ru/az/etno/345>

10. *Соколов М. М.* К теории постсоветской этничности [Рец. на кн.: Конструирование этничности: Этнические общины Санкт-Петербурга / под ред. В. Воронкова и И. Освальд] [Электрон. ресурс] // *Журн. социологии и социальной антропологии.* 1999. № 3. С. 158–164 URL: <http://nationalism.org/library/digest/sokolov-jssa-1999.htm>

11. *Сон Ж. Г.* Корейцы Дальнего Востока в системе межэтнических отношений Союза ССР. 1920–1930-е годы : автореф. дис. ... канд. ист. наук [Электрон. ресурс]. URL: scipeople.ru/publication/90964/

12. *Стефаненко Т. Г.* Социально-психологические аспекты изучения этнической идентичности [Электрон. ресурс]. URL: http://www.i-u.ru/biblio/archive/stefanenko_soc

13. *Стефаненко Т. Г.* Этнопсихология. М., 1999 [Электрон. ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/psihol/stef/index.php

14. *Устименко А.* Чимкентская линия // *Дружба народов.* 2009. № 1. С. 160–174.

15. *Халиман Ж. Н.* Трансформация этнической идентичности вынужденных переселенцев в современной России: на примере Приморского края : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Владивосток, 2005 [Электрон. ресурс]. URL: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/220926.html>
16. *Чибисов О. В.* Интеграция российской диаспоры в политический процесс стран СНГ : автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2009 [Электрон. ресурс]. URL: <http://www.avtoref.mgou.ru/ar/ar489.doc>
17. *Шаповалов В. И.* В Азийском круге : избр. Т. 1: Лирика. Поэмы. Бишкек, 2003.
18. *Шаповалов В. И.* Контексты перевода : статьи разных лет. Бишкек, 2004.
19. *Шаповалов В. И.* Чужой алтарь : книга стихотворений. Бишкек, 2011.
20. *Эбаноидзе А.* Судьба. Язык. Творчество // Дружба народов. 2009. № 3. С. 198–207.
21. Этнические общины Санкт-Петербурга / под ред. В. Воронкова, И. Освальд. СПб., 1998.

Т. Г. Прохорова

г. Казань

К вопросу о неосентиментализме в современной русской прозе (на материале творчества Л. Улицкой и Л. Петрушевской)

Ситуация постмодерна, в которой происходит развитие современной литературы, характеризуется вытеснением реальности жизни реальностью текста. И когда в мире симулякров вдруг обнаруживаются живые чувства, это воспринимается как отрадное свидетельство возвращения гуманистических ценностей. М. Эпштейн в своей монографии, посвященной русскому постмодернизму, предсказывает близость исхода «постмодернистской эры» и высказывает предположение, что «XXI в. может стать веком сентиментальности» [12, с. 432]. Речь, разумеется, идет о новой сентиментальности. Н. Лейдерман и М. Липовецкий подчеркивают, что она, с одной стороны, «по пафосу своему противоположна постмодернистскому скепсису и возвращается к традициям художественной системы романтического типа. ...В произведениях “нового